

Сергей
СМИРНОВ

г. Москва

ФЛОТСКАЯ ЗАКАЛКА

рассказы

ТРИНАДЦАТОЕ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Экипаж нашего буксира был против. Хотя назвать нас экипажем — громко сказано. У нас, как всегда, недокомплект: боцман и два матроса. А по штату положено четыре. Зато имеется первый помощник капитана. Так вот он и сообщил нам, что капитан, как мог, пытался отбодаться от этого явно провального рейса.

Сидели и курили на корме, устроившись прямо на бухте толстого капронового каната. В боцманском якорном ящике, забитом флягами с краской, семафорными флажками, линьками и концами, не хватило места, чтобы затащить туда бухту. Ждали капитана с берега: он к портовому начальству отправился за нарядом.

На Дунае холодно. Ветер северных румбов с неделю устойчиво дул в сторону берега. А все лето жаркое было. Небо над Измаилом стояло высокое, аквамаминовое, чистое, даже какое-то хрустальное...

Когда светит яркое солнце и день приветливый, то работа идет быстрее, вахты не тянутся бесконечно. Но сейчас дождливая осень, и настроение у нас уже другое, и рейс намечается еще этот...

В понедельник, тринадцатого числа, мы должны поднять якорь и ехать в Керчь. Надо сопроводить туда сухогруз-тысячник¹, который имеет не совсем исправный главный двигатель. И в случае отказа машины нам следует взять сухогруз на буксир и аккуратно, как невесту в загс, привести на судостроительный завод «Залив» для постановки на капитальный ремонт в сухой док. Легко сказать! А попробуй сделать, зная крутой характер Дуная и его местами быстрое течение, которое несет в Черное море сотни тонн камней и песка. За одну навигацию река меняет фарватер, несмотря на постоянную работу земснаряда. А

теперь навигация заканчивается, и земснаряд ради одного нашего рейса не станет копать дно реки. Но руководству из пароходства виднее. Спорить бесполезно. Ладонь под козырек, выполнять!

К тому же ни один капитан не выведет свое судно в море в понедельник или в пятницу. А тринадцатое число — еще более отягчающее обстоятельство. Под любыми предложениями рейс бы перенести! Начальство на берегу только отмахнулось от старых морских предрассудков, возникших еще в период парусного флота, когда на носу корабля укреплялась вырезанная из дерева фигура какого-нибудь морского покровителя. Теперь не семнадцатый век, не надо дуть в паруса, нагоняя ветер. Тем не менее каждый моряк, даже несусеверный и прагматичный атеист, в самый шторм нет-нет да и помолится Николаю Угоднику, главному защитнику всех ходящих по водам.

Загромыхали сходни: наш капитан вернулся и сразу прошел в каюту. Старпом, закинув окурки в ящик с песком, побежал за ним. Мы спустились вниз. В трюмном помещении темно и сыро. Наскоро перекусили и принялись готовить буксир к рейсу.

В понедельник, тринадцатого числа, волны болтали наш буксир. Сухогруз поднимал якоря, мачты будто цепляли низкие, рваные и набухшие дождем тучи, одна из которых повисла на фок-мачте. По радио с буксира мы передали на сухогруз: «Следуй за нами». Сипло — это от сырости — проревела сирена буксира, и каждый из нас пошел малым ходом.

На берегах почти совсем облетела листва, лишь клочки пожухлой травы на мокрых лугах выплывали нам навстречу. И хмурые темно-зеленые разлапистые ели скрашивали осенний обветшалый лес. В бинокль было хорошо видно, как горят гроздь розово-желтой крымской рябины, темнеют крупные плоды колючего шиповника...

Вторые сутки тихонько шёл сухогруз, пристроившись за нами почти в кильватер. Скрипел непринайтованными шлюпбалками, мигал ходовыми огнями. Иногда пропадал в тумане, внезапно надвигался на буксир высо-

кими ржавыми бортами... Честно говоря, давно он отслужил свой век, побывал во многих переделках. Еще несколько лет назад ходил с зерном в Иран, в Турцию. На его бурых бортах остались «шрамы» — отметины от безжалостных штормовых волн. Менялись капитаны, набирались новые экипажи... А он службу не выбирал — она сама его выбирала. Настоящий бывалый моряк!

Теперь, не пройдя очередной регистр, сухогруз решили отправить в ремонт. Для обеспечения и наблюдения за механизмами хода на судне остались рулевой, механик и три матроса, которые из сил выбивались, чтобы дать устойчивую работу главного дизеля со вспомогательными машинами на малом ходу. Рулевой жаловался на тяжелый ход при перекладке штурвала. Все скрипело, крякало в тягах штуртросов, и механик, матерясь, лазил с гаечным ключом и масленкой по всем труднодоступным местам, пытаясь подтянуть и смазать ржавые цепи штуров. Под самым днищем от этих тяг с трудом поворачивалось погнутое перо руля.

Мы же на буксире так пропитались сыростью, что каждого можно было выжать, как губку. Наш боцман Коваль тихо ругал на чем свет реку, погоду, затяжные ливневые дожди и портовое начальство, которое не ко времени затеяло этот неподготовленный рейс.

На третий день сухогруз начал рыскать галсами на встречный ветер, будто это не современное судно со стальным корпусом, а древний парусник, который ловит ветер.

Наш старпом Афанасьев запросил по радио у сухогруза:

— Что там за танцы у вас? Вашу мать, на брюхо сесть хотите и на зимовку встать?!

— Два цилиндра гонят масло, теряем ход, вспомогач² встал, — объяснил сухогруз.

Старпом сторяча сбросил с головы наушники от радио.

Наш боцман когда-то зимовал дизелистом на метеостанции острова Жохова. Он и вызвался помочь с ремонтом ребятам на сухогрузе:

— Поколдовать можно, — в раздумье прищурил он глаза.

Пришлось в авральном порядке из-за опасе-

ния сноса заводить буксирный канат. Если бы это все же случилось, то судно просто развернуло бы носом к берегу, тогда оно перекрыло бы реку.

Я, то есть моторист, и боцман перебрались на теряющий ход сухогруз. В машинном отделении сразу приступили к ремонту дизеля. Пришлось снимать крышку цилиндров. Оказалось, что на внутренней стороне зеркал цилиндров образовались раковины³.

— Давненько не заглядывали сюда горе-мореходы. Они же запорили двигатель, — удивлялся беспечности судовых механиков боцман.

Мы сбегали в судовую мастерскую, из-под электроточила набрали целую горсть железных опилок, смешали их в банке с клеем и замазали этой пастой каверны на внутренней стороне цилиндров. На следующее утро затерли мелкой наждачкой, шлифанули и все собрали на место. Вот на таком движке и дошли с горем пополам до заводского дока в Керчи.

А боцман наш уже на берегу рассказал о том случае, который произошел у него однажды во время зимовки на арктической станции острова Жохова. Дело такое получилось: тока нет — значит, света нет и метеооборудование не работает! Так что в срочном порядке надо было запустить хотя бы один из трех холодных дизелей. Тогда боцман наш придумал, как высушить коротящий ротор генератора: плотно замотал его в алюминиевую фольгу и разворошил угли от костерка. А статор сушил с помощью двух паяльных ламп прямо через корпус. Все же запустили тогда генератор, дали ток, который обеспечивал работу метеооборудования и освещения на полярной станции острова.

Чего только не бывает в море! Но и мы, моряки, не лыком шиты, какое бы число календарь ни показывал!

РАБОТА ЕСТЬ РАБОТА

— Заводи! Заводи!!! Не мучай ни себя, ни швартовый канат! — прокричал мне с буксира боцман Степан Синица.

Намокший канат — тяжелый, словно чугунная гирия. Ладно бы выброску кинули, всё легче. Но у нас же на речных маломерках так принято: если швартовые подали, то будь любезен, закрепляй как хочешь. Вот я и мучился. Хорошо, хоть не стальной трос подали, — в городе на реке и такое возможно.

Степану Синице хорошо, он отбарабанил службу на Тихоокеанском флоте, заработал повышенную «стипендию», теперь и наораться вдоволь может. Наш речфлот, конечно, не Тихоокеанский. Масштабы не те, да и цели разные. Сейчас, например, наша бригада вытаскивает плавучим экскаватором донный ил из притока.

Городские власти хотят этот широкий приток, одетый в гранит, сделать судоходным, то есть пригодным для туризма и хозяйственных нужд. Правда, сроки не определили, да и с кадрами туговато. Я — и за швартового, и за моториста... Когда надо, и кэпа подменяю. Корочка судоводителя имеется, не зря же речное училище оканчивал.

С нами училась единственная на все училище девчонка Вера Макарова. Много раз поступала, но на экзаменах баллов недобирала. Да и не брали тогда на речфлот женщин. Непринято это было. Но она упорная — к министру обращалась за разрешением. Добилась своего — приняли ее. И училась не хуже парней. И распределение получила вторым помощником капитана. Потом перевели капитаном на буксир...

По набережной снуют бегуны, велосипедисты и роллеры. В полусотне метров от нашего «Грома» раскинул удочки упертый и наивный рыбац. На что он надеется в этих перепаханых и баламутных водах? В Питере то же самое. Там по Неве с ревом проносятся

скутеры, стараясь попасть на вздыбленную волну от маломерок, почти непрерывно распекают туристические катера, а невозмутимые рыбаки, как набережные сфинксы, целыми днями неподвижно глядят в воду, боясь пропустить добычу.

Набросив огон⁴ каната на тумбу, выступающую над высокой стенкой, я поспешил на корму, где так же закрепил швартовный кормовой на киповую планку через роульс. Надо было бы еще шпринги для надежности поставить, ведь начнут пассажирские суда туристов катать и разведут волну... Но да ладно, понтон небольшой, не снесет. Теперь можно работать. А боцман продолжал наблюдать за мной, будто я новичок в нашем деле.

Затарактел пускач на землечерпалке, ухнул дизель, выпустив целое облако застоявшегося выхлопа, сначала черного и угарного масляного дыма, а потом серо-прозрачного облачка. Я в кабине за рычагами управления. Скрипит наша «старушка», но таскает со дна вязкий и пахнувший болотом ил. Для большей производительности надобно роторным с отвалом пройтись по дну, но нельзя — канал узкий, земснарядом не возьмешь, развернуться негде. На сухопутье дорожная техника электронной напичкана. Слегка дотронься до джойстика управления, и стрела с ковшом сама идет, выполняя команды оператора машины точно, без раскачки, ощутимых люфтов. Наша же землечерпалка работает на реках с пятидесятих прошлого столетия. Запчастей к ней уже нет. Ищем где придется: на складах пароходства, в бывших колхозных мастерских, пишем дорожникам... Пока справляемся.

Я опустил первый ковш на дно реки. Течения здесь почти нет, поэтому захватил грунт спокойно и ровно, затем ковш со стрелой медленно поднялся и развернулся на баржу, пришвартованную к борту понтона.

Синица все так же без дела стоял на буксире, положив руки на леера. Его участие пока не требовалось. Степану потом везти нагруженную баржу.

Вдруг через открытую дверь его рубки откашлялось радио и послышался голос диспетчера:

— Боцман Синица, буксир «Гром», меня слышите?! — Синица поспешил в рубку. — Боцман, наверно, опять сачком по воде водишь для своего аквариума? Отваливай. Пойдешь в затон, заберешь баржу с песком и поведешь к новостройке в порт. Сюда же направляем свободный буксир «Скиф».

А я, когда узнал об этом, обрадовался. На «Скифе» же Верка Макарова ходит! В перерыве наконец поболтаем, а то увидеться и словом перебраться некогда, хоть и работаем в одной судовой компании.

* * *

«Скиф» подошел правильно и точно принял баржу на сцепное устройство. Из ходовой высунулась рыжеволосая голова Веры. Я поприветствовал ее, нажав педаль звуковой сирены.

В обед, перемахнув через низкий борт «Скифа», отправился в гости. Она в рабочей робе записывала что-то в журнал.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться. — Я шутливо приставил ладонь к выгоревшей на солнце форменке.

— Можно! — засмеялась капитан Вера.

Времени у Веры было немного, но мы наскоро поболтали и перекусили вместе.

А потом, уже выпроваживая меня, она немного виновато объяснила:

— Мне сегодня еще в Южный порт надо успеть заскочить. Приволокли какой-то пароход в ремонт. На завод в док поведу. Так что давай по местам, работа есть работа, все остальное на потом...

ФЛОТСКАЯ ЗАКАЛКА

Лёха Караджели, сколько себя помнил, жил у моря — в Феодосии, за картинной галереей Айвазовского.

В этом городе все улицы старые и напоминали улицы Греции или древнего Иерусалима. Посреди двора, где родился и жил Лёха, росла пыльная акация с кривым треснувшим стволом. Под ней — стол из грубо сколоченных досок и несколько венских стульев. Этот уютный дворовый круг по краям замыкали дома, больше похожие на средневековые хижины с крышами, покрытыми потрескавшимся шифером. Двор был пропитан запахами жареного лука, рыбы и мидий. Лестницы со стёртыми ступенями вели на вторые этажи домов, своими переходами создавали галереи, мансарды, веранды. На веревках сушили выстиранное бельё. Часто возникала путаница, где и кому сушить, — прямо как на общей кухне. Соседи ссорились. Наглые кошки, носившиеся под ногами как угорелые, считали себя хозяевами и по ночам устраивали концерты. И тогда жильцы просыпались, и в них летело всё, что под руку попало. Шанхай какой-то, а не двор!

Но Лёха давно привык и другой жизни не представлял, ведь он родился здесь. И предки его жили здесь. Из этого двора Лёха ушёл служить на флот — как его отец, дед и другие предки. В комнате на комодике на самом почётном месте стоял серебряный стакан. По семейному преданию, этот стакан его прапрадеду подарил светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин. Боцман Караджели, командуя шлюпкой князя, вовремя заметил впереди по курсу опасный бурун над острым скальным обломком. И в Крымскую войну служили мужчины Караджели. Прадедова матросская золотая серьга — память о проходе через мыс Горн.

Служить Лёха попал в Североморск. В учебке получил профессию моториста. И не случайно, ведь он с детства любил моторы и знал

их досконально. Вечно копался во дворе со всяким пылящим старьём: то мопед древний притащит, то с соседским мотоциклом возил-ся. Дяде Коле, в прошлом морскому пехотинцу, инвалиду войны, помог починить мотор его мотоколяски.

После учебки Лёхина служба проходила на Севере — на буксире ледакольного типа. Север — суровый край. Снега, сопки, сильные ветры... Южному парню трудно привыкнуть к такому климату. Он же грек по крови. Нос с гордой горбинкой, сам сухошавый, смуглый, среднего роста, и ни грамма жирка для собственного обогрева, оттого вечно красный от холода. Копчёной черноморской ставридой в шутку прозвали Лёху Караджели товарищи.

Лёха — друг хороший. Никогда не подведёт в трудную минуту, всегда придёт на помощь. Частенько подменял своего кореша — Витьку Василенко из Москвы, тоже моториста. Витька в увольнение ходил в клуб моряков на танцы. Лёха же к танцам был равнодушен. Но что касается ремонта двигателей — только позови, за уши не оторвёшь от движка: чувствовал, чем и как дышит судовая машина.

Как-то раз позвали Лёху отметить праздник. Подводники по-тихому собрались за причалом возле складов. Коньяк, вино, пиво, колбаса... Даже свежие фрукты раздобыли.

— Откуда такое богатство? — удивился Лёха.

— Вот, браток, ешь и не знаешь, — смеялись сослуживцы. — Подфартило нам! Мужик один подвернулся. Попросил достать сурика. Гараж ему покрасить надо. Ну, притаранили ему из того, что для окраски балластных цистерн предназначалось. Не обманул сухопутный — заплатил хорошо.

Лёха поперхнулся, положил ветчину с хлебом обратно на расстеленную газету:

— С флота воровать? Мы, Караджели, всегда служили и никогда с корабля ничего не тащили. А вы!

— Да ешь! За всё уплачено. Матросы знают, как и где достать, где и что лежит, — ответили ему.

— Ворюги вы, а не матросы! — сказал Лёха. — Найдите того мужика. И чтоб краску вернул!.. Не позорьтесь, ребята...

Больше на такие праздники он не ходил, в увольнение на берег — тоже.

Срочная служба закончилась. Лёху ждал родной город, те же улицы со старыми акациями. Устроился вольнонаёмным боцманом маленького транспортника — судна, снабжающего продовольствием вспомогательные корабли ВМФ. Экипаж невелик: капитан, старпом, боцман, моторист, рулевой и палубный матрос.

Как-то летом в отпуск на несколько дней приехал Лёхин дружок по флотской службе — москвич Витёк Василенко. Свой трудовой стаж, словно швартовый канат на кнехт, наматывал он на заводе «Красный богатырь». Витёк появился в Лёхином дворе увешанный сумками и со столичными подарками в большом потертом фибровом чемодане. Но никто его не встретил, хотя отправлял телеграмму другу. Вместо Лёхи к гостю подошёл толстый курчавый Ося Кацман в брюках на подтяжках и старых тапках:

— Вы до Алексея приехали? Так его нет. Он в море, кормит сегодня Черноморский флот. Как будто его некем заменить! — затем Кацман крикнул в окно веранды на втором этаже: — Мама, тут гость до Лёхи с Москвы! Дайте ключ от квартиры соседа!

Услышав разговор с улицы, жильцы наполнили двор голосами. Выглянувшие из окон соседи поочередно что-то советовали гостю, приглашали зайти передохнуть, предлагали попробовать черешню...

Виктор устало опустился на сломанный венский стул во дворе...

Под вечер вернулся Лёха, а весь двор уже гудел за общим столом под акацией. Угощались московскими гостинцами: конфетами, печеньями, колбасой — копчёной и даже докторской, обмазанной горчицей, чтобы довести в душном поезде. А главное, столичная водка шла на ура. Не заметили, как она кончилась. Тогда появилась здоровенная бутылка самогона-первача необычайной крепости. И её сообщая уговорили под жирную копченую скумбрию.

— А давай-ка, Витёк, проветримся, — предложил Лёха. — Я тут купил подержанный «Урал» с коляской. Попробуем прямо сейчас, ночью, прокатиться.

В коляску с мотоциклом нагрузилось человек пять, да ещё на багажник сели двое. И — вперёд, через городской парк к пляжу.

Долго купались в теплом парном море. Пока Лёха с наслаждением плавал, Витька заметил проблеск искры в мотоцикле — вспыхнул двигатель. При помощи мужиков Витёк перекрыл кран подачи топлива, открутил шланг бензопровода. Затем Витька нагнулся к мотору, стараясь плотнее его укрыть куском брезента.

Наконец Лёха вышел на берег, подошел к компании. А те про случившееся сказать не успели.

— Чего вы тут? — спросил Лёха и сразу машинально открыл топливный кран.

Бензин хлынул на раскалённый металл, пламя мгновенно охватило мотоцикл. Люди еле успели отскочить.

Пока ехали пожарные, от «Урала» осталась груда рыжего горелого металла. Убедившись, что угрозы больше нет, они почти сразу уехали, а компания осталась на пляже.

— Идём на судно, — на правах хозяина решил Лёха Караджели. Ему все нипочем, море по колено. — У меня там ещё НЗ имеется. «Шило» делать будем.

Через какую-то дыру в заборе всей компанией пролезли к причалу. Лёха поднялся по трапу. Остальные — за ним. Витька плохо помнил, что было дальше. Кажется, Лёха открутил какие-то винты у аварийного компаса, вылил в кастрюлю прозрачную жидкость, пахнущую спиртом. Разбавили водой, и кастрюля пошла по кругу. В компас же временно налили водички из-под чайника. Но под утро, проснувшись, Лёха первым делом поменял воду в компасе на спирт.

Соседи двинули в сторону дома. А Лёха, задержав друга, пошёл к старпому, надеясь уговорить его взять Витьку на борт.

— Друг сегодня вечером уезжает, — говорил он. — Корешки мы, служили вместе. Хочу показать город с моря. Разреши, Петрович...

– Не положено! Сам знаешь, гражданских не берём. Капитан ушёл в отпуск, предупредил: если что сотворят без него, то спишет с судна без разговоров, – строго говорил старпом.

– Да какой он гражданский? – не отставал Лёха. – Он же наш брат, мореман, солёный и перчёный...

– Ну ладно, – старпом смягчился. – Только потихоньку и ненадолго.

– Есть потихоньку! – Лёха просиял.

Вечером всё ещё жарило белое крымское солнце. Кажется, закат не наступит никогда. Витька с Лёхой стояли на носу корабля, положив локти на планширь, и тихонько беседовали.

– Эх, Витёк, не успели мы с тобой порыбачить... – сокрушался Лёха. – На «Урале» смотались бы на Азовское море... В бухточке искупались бы... Бычков на закидушку половили бы с баркаса... Да где там! Прогудели. И мотоциклу хана.

– Да уж, – вздохнул с сожалением Витёк, – сроду так бездарно время не проводил.

В это время транспортник проходил вдоль береговой полосы. Миновал городской пляж. Моторки с отдыхающими то и дело на скорости подрезали курс корабля. И вдруг одна моторка, сделав лихой вираж, завернув перед самым носом судна, подскочила и перевернулась. Из неё вывалились хозяин лодки и женщина с ребёнком.

Витёк с возгласом «полундра!» в брюках и сандалиях не раздумывая прыгнул в воду. Лёха бросился вслед за ним. Мальчишка, орущий и перепуганный, ещё кое-как барахтался, а мамаша сразу погрузилась в воду. Витька поднырнул под неё и схватил за волосы, потянул к берегу. Лёха вытащил мальчишку. А лодочник сразу пошёл на дно – его долбануло перевернувшимся катерком. Потом его вытащили: погиб.

Уже зимой в Москве, возвращаясь с завода после ночной смены, Виктор открыл почтовый ящик, а там – повестка из военкомата. «Снова вызывают, – подумал Витька, – вроде не ко времени. Сборов-то нет. Конец месяца – план надо давать, а тут...»

Но в военкомат всё же пошёл.

Военный комиссар вызвал к себе:

– Вот, Виктор Васильевич, матрос запаса, поздравляю! – и вручил медаль в коробочке с удостоверением «За спасение утопающих», – добавил от себя: – Моряк – он всегда моряк: и в запасе, и даже в отпуске, и на гражданке.

А боцману Лёхе Караджели медаль вручали в торжественной обстановке – в Феодосии, в старом кинотеатре «Родина».

«Вот и пригодилась нам флотская закалка», – встречаясь потом с другом и вспоминая эту историю, любил повторять старший матрос запаса Лёха Караджели.

ОСИНОЕ ГНЕЗДО ЗАПОЛЯРЬЯ

Наш Островной⁵ еще называли осиним гнездом подводных лодок в Заполярье. Никогда не думал, что придется здесь служить.

Сам я из Нижнего. После школы поступил в речное училище, а практику проходил на нефтеналивном танкере. Перед самой служ-

бой успел сходить до Астрахани пару навигаций судовым вахтенным мотористом. Но потом повестка, медкомиссия, все дела... Через три дня на призывной пункт прибыл. Погрузили нас в автобус, и прощай вольная жизнь речника! В поезде пели песни да потягивали втихаря портвешок, еще не осознавая, что ждет нас впереди.

Я еще мог в общих чертах представить свою будущую службу. В военном билете в графе «воинская специальность» значилось «матрос-моторист». Но другие – например, таежный сибирский паренек, охотник-промысло-

вик, — и сами не понимали, как так вышло. Предположил он, что из-за дочки начальника леспромхоза, который решил, что они друг другу не пара, задействовал связи, и потенциального зятя отправил подальше и надолго. Все мы, разные и одинаково подстриженные, оказались в Кронштадте, где находится учебная часть по подготовке специалистов для подводного флота.

Дни летели незаметно. После подъема — построение и строевая подготовка. Казалось, от старательного топота наших матросских ботинок сотрясались стекла в ближайших домах. После обеда и адмиральского часа нас заводили в классы на теорию. И так каждый день до отбоя. Выпустились мы поздней осенью. На последнем построении зачитали приказ о распределении младших специалистов по флотам. Я отправился в Заполярье на базу подводных лодок.

К ледяным воющим ветрам, через бушлаты пробирающимся до костей, швыряющим в лицо колючий снег, надо было еще привыкнуть. Когда на верхней вахте стоишь, то непонятно, что к чему приморожено. Еле слышно, как на дальнем рейде пробивают склянки. Значит, скоро конец вахты: спущусь в лодку, отмечусь у вахтенного офицера, напьюсь горячего чаю и лягу спать на второй ярус. В подлодке тепло, негромко гудят электромоторы, пощелкивает в многокилометровых трубах, опутавших ракетный крейсер, из бортового радио разносится по отсекам голос командира. Лодку готовят к выходу на боевое дежурство. Это будет мой первый дальний поход. Все идет по плану.

На АПЛ время летит незаметно. Дни и ночи сливаются в одну большую вахту. Кажется, только была команда на погружение, на «рабочую» глубину пятьдесят метров, как снова на всплытие, и мы возвращаемся домой в свое гнездо. Смена экипажа, сдаем лодку и якобы на отдых. На самом деле в казарме тоже идет флотская служба: уставы, строевая, вахты... Ночь — целые сутки, и так почти до весны. Иногда думаешь, что это навсегда. Фонари даже днем горят. Северное сияние переливается красным и зеленым, а по утрам

во время пробежки все озаряется золотистыми всполохами.

У нас, на Волге, природа предсказуемая, как по расписанию. Наступает первый весенний месяц, и все вокруг осторожно просыпается. Мартовский ветер начинает разгонять сизые тяжелые тучи, и, словно протиснувшись в чуть приоткрытую дверь, робко выглядывает солнце.

В Островном все по-другому. Международный женский день встречаем в гарнизонном клубе при свете. Прекрасного пола, как всегда, не хватает. В основном офицерские жены или вольнонаемный персонал. Легкая разминка в буфете с бокалом газировки. Наши бляхи с якорями на белых парадных ремнях горят огнями отраженных ламп большой люстры, гюйсы отутюжены, ботиночки надрены до зеркального блеска... Вспомнился такой же праздник в Нижегородском речном училище, где мы, будущие выпускники, без бушлатов и шинелей, запросто выбегали на свежий воздух курить, смеяться, делиться впечатлениями о студентках, приглашенных из текстильного техникума, а с вечерней Волги тянуло весенней прохладой.

Весна в Заполярье больше похожа на зиму, и только в самом конце из-за низко висящих облаков вдруг брызгает солнце. Мрачные, бурные, со снеговыми шапками вокруг вершин скалистые горы вмиг преобразуются, искрятся ослепительной белизной. Мы же радуемся окончанию надоевшей полярной ночи и в бушлатах, нахлобучив бескозырки, отпрашиваемся в увольнение, если так можно назвать простое устное разрешение дежурного офицера ВЧ. Тут на острове обходятся без всяких увольнительных записок.

А куда здесь пойдешь? Вокруг плещется вечно холодное море. Внизу, у причалов, отдыхают после походов засыпанные снегом подводные атомные крейсера. В городе нет парков и скверов. Только меж домов на скальном грунте поднимаются высокие сорные растения, колыхающиеся волнами под ветром, с редкими вкраплениями бессмертника, полевой ромашки и одуванчика.

На центральной площади с битым асфальтом

и бетонным матросом на фоне серпа и молота, в одной из облезлых жилых трехэтажек работает продмаг. Затарившись в нем, мы с ребятами двинулись в горы. Там несколько тихих ложинок, укрытых нависшими скальными породами и потому невидимых с суши. Расположившись на почерневших мшистых обломках, вытащили запретное пиво, консервы...

Солнце, поднявшись, стало нещадно палить. Мы скинули бушлаты, фланелевые рубашки, тельники и легли на мох любоваться безоблачным небом. Если бы не синие полосы снега на дне ложины, то нашему полярному лету можно было бы верить!

На первый взгляд, природа здесь сурова и однообразна. На улицах ни одного деревца, разве что перед горсоветом торчит из мерзлой земли пара низкорослых деревьев с корой в глубоких трещинах и стволами, скрученными в спираль. Но за городом в низинах успевала созреть крупная черника. Мы набирали ее для кока, а он угощал экипаж пирогами, черничным морсом.

В заливе суетится плавмаруся — наша ремонтная мастерская на воде. Тарахтит ее дизель, натягивая тросы кормового крана. Видимо, что-то нашли и стараются поднять с грунта. Далеко проревел басом пароход «Вацлав Воровский». Это наш курьер и кормилец.

С материка доставляет продовольствие, ширпотреб, а главное, почту, которую все с нетерпением ждут. Если привозили фрукты или овощи, например спелые красные помидоры, то в сопровождении вооруженного мичмана командировали матроса, который на вытянутых руках нес целый ящик, иначе один не донес бы: либо съедят по пути, либо отберут.

За пароходом из распахнутой клинкетной двери рубки небольшого буксира доносится по трансляции:

*На недельку, до второго, я уеду в Комарово,
Я за то, чтоб в синем море не тонули корабли!*

Примечания

- 1 Вместимостью тысяча тонн.
- 2 Вспомогач — электрогенератор, предназначенный для выработки электроэнергии.
- 3 Раковины (*снец.*) — пустоты.
- 4 Огон — постоянная петля на тросе.
- 5 Островной — город в Мурманской области, до 1981 г. — поселок Гремиха.

□

Сергей Михайлович СМЕРНОВ

окончил Московский железнодорожный техникум.

*Публиковался в журналах «Север», «Кольцо А»,
«Юность», «Нева».*

*Лауреат литературного конкурса
маринистики имени К. Бадигина.*

*Призёр и лауреат Всероссийского кинофестиваля
«История и культура»,*

*Международного открытого фестиваля молодёжного
и семейного фильма «Кино-клик»,*

*Открытого международного конкурса
«КиноТок» (2019, г. Орёл).*

